

Российская деревня: вечное на фоне трансформаций. Заметки непрофессионала

С.Н. СМИРНОВ

Путевые заметки наблюдателя в сочетании с обработкой официальной статистической информации позволили подтвердить доминирующую в целом тенденцию исчезновения образа классической российской деревни. Ее возникновение обусловлено оказавшейся неизбежной в новых экономических условиях деградацией сельского хозяйства советского типа. Но Россия во всех своих проявлениях не является единой, и в различных регионах эта тенденция может развиваться и лавинообразно, и умеренно, и вообще практически не проявляться. Те же посевные площади за двадцатилетие рыночных реформ сократились от более чем в 10 раз в Республике Тыва до всего на 7% в Краснодарском крае. Аналогичная дифференциация наблюдается и в производстве основных видов сельхозпродукции. К факторам, которые амортизируют возможный рост социальной напряженности в российском селе, относится смещенность половозрастной структуры их населения в сторону женщин и лиц старших возрастных групп. Дополнительные же драйверы развития в регионах с наибольшей деградацией сельского хозяйства можно найти далеко не всегда. Перспективы деревень связаны с вероятностью нахождения таких драйверов – новых специализаций и функций. Типовых решений здесь не существует, они зависят как от объективных (например, транспортно-географическое положение), так и от субъективных условий (наличие индивидуумов или социума, заинтересованных в сохранении конкретной деревни на карте России).

Ключевые слова: сельскохозяйственное производство, сельское население, занятость, производительность труда, перенаселение, трудовая миграция, группировка регионов, альтернативные драйверы для села

Воспоминания о прошлом

Начну сразу же с искренних извинений перед читателями этой статьи. Они столкнутся в ней с очевидным непрофессионализмом автора, который, впрочем, и не претендует на звание экономиста-аграрника. Его знакомство с проблемами российской деревни носит весьма поверхностный характер, хотя и уходит корнями

в семидесятые годы прошлого века. Для себя я выделяю три последовательных фазы этого знакомства.

Первая фаза – это сельскохозяйственная практика в весьма процветавшем подмосковном совхозе «Рогачевский», куда мы выезжали каждый раз на десять дней по окончании седьмого – девятого классов школы. Земельные угодья хозяйства находились на плодородных пойменных лугах реки Яхромы, и необременительная работа по сбору лука и редиски на этих полях воспринималась нами как развлечение, своего рода отдых после только что завершившегося учебного года. Российская деревня как декорация – так можно определить эту фазу. На сцене в этой декорации, где шло наше взросление, мы впервые ощущали себя самостоятельными, здесь зарождались и умирали первые влюбленности. При этом, естественно, не возникало ощущение, что для более чем 1/3 населения России в то время деревня была не декорацией, а реальной жизнью.

Вторая фаза – это учеба на Географическом факультете МГУ. Спецкурс по географии сельского хозяйства вел у нас А.Н. Ракитников (1903–1994), сын товарища министра земледелия Временного правительства, которого В.И. Ленин по злобе своей именовал не иначе как во множественном числе: «Гг. Пешехоновы¹ и Ракитниковы на деле оказываются пособниками именно этих “разрядов”², когда защищают ограничение свободы мобилизации крестьянских земель» [*Ленин* 1973, с. 237]. Старший Ракитников, Николай Иванович, за год до своего 75-летия, естественно, был расстрелян (в Дудинке 15 апреля 1938) и реабилитирован спустя столетия [*Хронос. Ракитников Николай Иванович*]. Андрей Николаевич был замечательным ученым, но пробудить интерес к географии сельского хозяйства не смог. А географические полевые практики (приехал – ознакомился – уехал) во многом связывают эту фазу с первой, «декорационной». От посещения передового колхоза «Прогресс» в деревне Вертелишки Гродненской области тогдашней Белорусской ССР остались не сельскохозяйственные, а последующие рекреационные впечатления (купание на озере Белом и прогулка по торфяной узкоколейке в напоенном солнцем июльском лесу)³. Ну, а еще от учебы – осознание того факта, что подобно любым другим экономическим показателям, значения показателей развития сельского хозяйства могут различаться, если рассчитывать их в разрезе отдельных административно-территориальных единиц. До сих пор вспоминаются картограммы районов Гродненской области, закрашенные в зависимости от величины конкретных показателей (например, урожайности зерновых) различными цветными карандашами.

Наконец, третья фаза знакомства с российским сельским хозяйством связана с начальным периодом трудовой деятельности. Современному поколению напомним из набора советских идиом: «шефская помощь сельскому хозяйству». Подавляющее большинство гуманитарной и технической интеллигенции из городов ежегодно на недельку-другую отправлялись в окрестные колхозы-совхозы для уборки урожая. Вот именно там у меня и моих коллег родилось и постепенно укреплялось

¹ Пешехонов А.В. (1867–1933) – один из руководителей партии народных социалистов, в 1917 г. – министр продовольствия Временного правительства, с 1922 г. – эмигрант.

² Под «разрядами» в данном случае цитируемый автор подразумевает крепостников.

³ После распада СССР в отличие от многих российских колхозов «Прогресс» выжил и стал успешным многоотраслевым (собственно сельское хозяйство, хлебопечение, пошив изделий из меха и кожи, производство художественных изделий) сельскохозяйственным производственным кооперативом [СПК «Прогресс-Вертелишки»].

убеждение, что советское сельское хозяйство реформировать нельзя – ни экономическим стимулированием, ни бригадными подрядами. Как говорит по другому, но весьма схожему поводу российский географ А.И. Трейвиш, «вообще». Тяжелый труд в сочетании с неустроенностью быта (кстати, российская статистика до определенного времени не публиковала данные об уровне благоустройства села) стали причиной вызова социального лифта, каковым был переезд селян в города.

Разумеется, это было невозможно в сталинские времена. Рождение одной из последних параноидальных идей вождя в данной предметной области блестяще описано А.И. Солженицыным в «Круге первом»: «Установить бы по уставу сельхозартели, что как земля принадлежит ей вечно, так и всякий, родившийся в данной деревне, со дня рождения автоматически принимается в колхоз. Оформить как почетное право» [Солженицын].

Но во времена «вегетарианские» серьезных препятствий для отъезда из советских деревень в города уже не было, тем более что колхозников уравнивали в правах с горожанами: с 1974 г. они стали получать «серпастые и молоткастые», заменившие «полуфилькины» справки из сельсоветов.

В результате к концу советского периода население России на 74% состояло из горожан и лишь на 26% – из сельских жителей. Полувеком ранее (в 1940 г.) это соотношение было практически обратным (34% против 66%), а к концу 1950-х гг. городское население России впервые стало доминировать над сельским.

Но это, в общем-то, никак не касалось автора статьи, поскольку после описанных трех фаз знакомства с сельским хозяйством России наступил длительный перерыв.

Непрочный мир сельского бытия

Признателен Никите Евгеньевичу Покровскому, пригласившему принять участие в начале июня 2012 г. в очередной, третьей по счету, Международной научной конференции Угорского проекта [Настоящее и будущее... 2012]. Что есть современное российское село так называемого Ближнего Севера, можно ли понять, что будет с ним дальше, обречено ли оно на вымирание или начнет возрождаться на принципиально иной основе, хотя бы подтверждая теорию клеточной глобализации, разработчиком которой является этот видный российский социолог? Такие вопросы мы обсуждали с коллегой и учителем доктором экономических наук Леонидом Борисовичем Вардомским, продвигаясь в моем Tucson'е по территории трех областей Центральной России (Московской, Ярославской и Костромской) к конечной цели нашего путешествия – деревне Медведево Мантуровского района последней из упомянутых областей. Обсуждали с сугубо теоретических позиций, не видя пока еще конкретного полигона.

А полигон оказался не хуже и не лучше: от бывлой советской сельскохоззяйственной стабильности, обеспечивавшейся бюджетными вливаниями, здесь остались в прямом смысле слова одни развалины. Стены пустых коровников с неизменными русскими словами на стенах (хорошо, если какой-то ПБОЮЛ держит в углу помещения, рассчитанного на триста голов, голов 10–15), заброшенный машинный двор, пять обитаемых домов из некогда бывших сорока, закрытая библиотека, автолавка вместо селъпо. А вечером – ни огонька, ни звуков телевизоров или

«одинокой гармонии», ни доносящегося издали с молочной фермы ровного гула аппаратов машинного доения. Темные окна изб – хорошо, если жизнь еще идет в каждой пятой, и то – в летний сезон. Ушла, и безвозвратно, декорация «деревенского детектива» или давних «пеньковских дел»⁴.

Да и как может быть иначе, если посевные площади всех сельскохозяйственных культур сократились в Костромской области просто катастрофически – с 661,7 тыс. га в 1990 г. до 207,1 тыс. га в 2010 г., т.е. в 3,2 раза. Замечу, что в Российской Федерации сокращение посевных площадей было менее резким (в 1,6 раза), равно как и в Центральном федеральном округе в целом (в 1,7 раза). Из пяти регионов-соседей первого порядка наиболее близкими к Костромской области оказались Ивановская и Кировская области, в которых посевные площади за названный период уменьшились соответственно в 2,8 и 2,6 раза⁵. Местная газета с гордостью сообщала о завершении посевной, приводя цифры, что, например, в СПК «Подвигашихинский» посевные площади составляют 400 га [Никешина 2012, с. 1]. А между тем ранее площади конкретных хозяйств исчислялись тысячами гектаров [Моя малая родина. Деревня Угоры].

Но на всем этом фоне – бурная интеллектуальная деятельность московской интеллигенции, создающей во всех эпохах комфортную для себя среду. Еще до поездки вспомнилось из разных периодов российской истории:

«Прекрасно провели мы там [Соколово, под Москвой – С.С.] время. Никакое серьезное облако не застилало летнего неба; много работая и много гуляя, жили мы в нашем парке. Кетчеру ... случалось ... говорить крупные речи с сильной мимикой. Грановский и Е. Корш приезжали почти всякую неделю в субботу и оставались ночевать, а иногда уезжали ... в понедельник. Михаил Семенович [Щепкин – С.С.] нанимал неподалеку другую дачу. Часто приходил и он пешком, ... шутил, пел ... песни и морил со смеху своими рассказами...».

А.И.Герцен (1812–1870). «Былое и Думы».
Середина 1840-х годов.

«Жизнь вдруг наполнилась приятной и веселой заботой: как устроиться, что чинить, строить, переделывать. ... Большинство друзей приезжали туда же и с той поры проводили там почти каждое лето, принося туда свою работу, свое художественное творчество и участие в местной деятельности».

С.И. Мамонтов (1841–1918). «Летопись сельца Абрамцево».
Начало 1870-х годов.

⁴ Не могу не вспомнить из «Послания к варягам» Т. Шаова: «Но нефть дороже молока/Значит, все, амбец коровам – диалектика!» [Шаов 2008].

⁵ http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_14p/lssWWW.exe/Stg/d02/15-05.htm.

«... отец [П.Е. Чехов – С.С.] с таинственным видом выносил специально им самим заготовленные настоечки на березовых почках и на смородинном листу и наливочки, и тогда казалось, что Мелихово имеет что-то особенное, свое, чего не имела бы никакая другая усадьба...».

М.П. Чехов (1865–1936). «Вокруг Чехова».
Начало 1890-х гг.

«В общем, была [в Полушкино, Московская область – С.С.] веселая, дружная компания ... и, главное, постоянное общение с людьми, милыми сердцу, давними друзьями. ... Компания представляла собой некое возрождение студенческого братства. И хотя мы тогда были уже не столь молоды ... наши мысли были направлены в будущее. ... Впереди было еще добрых четыре десятилетия».

Б.Г. Тартаковский (1911–2002).
«Воспоминания об исчезающем поколении».
Середина 1950-х годов.

Именно эти цитаты я представил на заключительном слайде своей презентации, которая была посвящена особенностям современной внутренней межрегиональной трудовой миграции в современной России. Согласитесь, что если убрать фамилии мемуаристов и упоминаемых Герценом в «Былом и думах» исторических персонажей, то, что называется, с лету провести хронологическую атрибуцию представленных фрагментов будет не так просто.

Согласимся, во всех четырех источниках чувствуется оптимизм. Вспоминается «Первый менестрель» российского художника, барда и поэта Е. Бачурина: «Душа который год//Как дудочка поет//И, кажется, что праздник будет вечен...» [Бачурин]. Увы, во всех четырех случаях праздник не был вечным, а сельская идиллия оказалась иллюзорной. Для интеллигенции все кончалось достаточно грустно, хотя и по-разному.

Уже на следующее соколовское лето (1846 г.) произошел разрыв между друзьями – «западниками» (Герцен) и «славянофилами» (Грановский). А в 1847 г. Герцен навсегда покинул Россию.

Жизнь в Абрамцево кипела до конца 1890-х гг. и завершилась с банкротством Мамонтова и фактическим его расставанием с супругой Елизаветой Григорьевной, на которую в 1880 г. была переписана усадьба.

Счастливая мелиховская жизнь продолжалась всего несколько лет. В 1897 г. у Чехова пошла горлом кровь (туберкулез), в 1898 г. умер П.Е. Чехов, и в 1899 г. Мелихово было продано. Последний его владелец, барон Н.Д. Стюарт, сохранявший чеховскую усадьбу, был расстрелян в 1920 г. в Петрограде [Заклейменные властью. Анкеты, письма, заявления политзаключенных...].

Российская интеллигенция «оттепели» 1950-х – начала 1960-х гг. впоследствии вместе со всей страной погрузилась в двадцатилетний период «без драйва», вспоминая материальные и духовные артефакты несостоявшейся (по аналогии с «пражской») «советской весны».

Но во всех эпохах создавшая свой во многом виртуальный мир пришлая интеллигенция контактирует с миром внешним. А внешняя среда – это не только местные жители, для которых пришельцы из столичных миров создают сезонные или постоянные рабочие места. Это еще правила игры, если хотите, социальный контракт между этими двумя группами. «Не укради», «не убий» лежат в основе этого контракта. Условия контракта могут быть нарушены под влиянием двух различающихся по масштабам групп причин.

В первую очередь, это политические катаклизмы. Октябрьский переворот 1917 г. полностью дезавуировал все ранее существовавшие социальные контракты. Массовые поджоги усадеб, в том числе и тех, хозяева которых находились в хороших отношениях с местным социумом (яркий пример – подмосковная усадьба Шахматово Бекетовых – Блока) стали в самые первые годы после переворота типичным явлением. Реже происходили убийства владельцев усадеб, но и они встречались. Так, в 1917 г. в Леонове, которое находится ныне в черте г. Москвы был убит владелец дачи, сын купца и краевед В.А. Капустин [*Филаткина* 1999, с. 40].

Причины второго рода связаны с поведенческими стереотипами местного населения. Негласное правило современной российской глубинки: пока в вымирающей деревне остается хотя бы один постоянный житель, она не подвергается разграблению. С отъездом или же смертью последнего деревня исчезает: металлолом, дрова, иные хозяйственные мелочи пополняют бюджет и благосостояние жителей пока еще не вымерших соседних населенных пунктов.

В современной России, слава Богу, мы имеем дело с причинами второго рода. Да, сохранявшиеся в годы советской власти усадьбы во многих случаях разрушаются под натиском девелоперов, облюбовавших лакомый кусочек земли под коттеджный поселок. Что нам усадьба Мамонтовых Киреево в подмосковных Химках, что нам их фамильное кладбище, где был похоронен в 1873 г. скоропостижно скончавшийся в этой усадьбе архитектор В.А. Гартман (1834–1873), «картинкам с посмертной выставки» которого посвятил свое произведение М. Мусоргский, когда необходима территория под мусорный полигон? [Усадьба Киреево в Левобережных Химках разрушена].

Но отойдем от этой побочной темы и вырулим на магистральную линию рассуждений. Автора прежде всего интересует, в какой мере доступная на федеральном уровне макроэкономическая статистика может дать ответ на вопрос, насколько масштабны последствия смерти в регионах России сельскохозяйственной экономики советского типа.

Производство vs население: правило и исключения

На первый взгляд, кажется, что в России последних двух десятилетий мы сталкиваемся с классическим сельским перенаселением. Действительно, сокращение сельскохозяйственного производства сопровождается, естественно, потерей рабочих мест, сокращением занятости в сельской местности. Насколько значимы масштабы проблемы?

Для их оценки были использованы данные Росстата о производстве в 1990 и 2010 гг. важнейших видов сельскохозяйственной продукции, в состав которых

были включены следующие шесть позиций: а) скот и птица; б) молоко; в) яйца; г) зерно; д) картофель и е) овощи⁶.

Для получения интегральной оценки объемы производства каждого из этих видов продукции в 2010 г., измеренные в натуральных показателях, были отнесены к объемам производства в 1990 г., после чего была рассчитана средняя по шести показателям.

Сделаю небольшое отступление. Вообще-то педалируемый многими политиками тезис о полном упадке российского сельского хозяйства как следствии непродуманных реформ верен лишь отчасти. Посудите сами.

В наибольшей степени из рассмотренных видов сельскохозяйственной продукции, а именно, на 48% сократилось производство зерна. Однако в 8 субъектах Российской Федерации оно увеличилось (в т.ч. в Алтайском крае почти на одну треть, а в Ставропольском крае и Кемеровской области – более чем на 10%). При сокращении производства молока в стране на 43% оно увеличилось в 8 регионах (в т.ч. в Омской области в 2,2 раза, а в Республике Дагестан – в 1,7 раза). Сокращение производства картофеля на полях России на 31% сочеталось с ростом его производства в 25 регионах (заметим, что в Астраханской области оно увеличилось более чем в 10 раз, в Ненецком АО – в 4,3 раза, в Республике Дагестан – в 3,9 раза и т.д.). При общем сокращении производства скота и птицы на убой на 29%, в 9 регионах оно все-таки увеличилось (в т.ч. в Белгородской области в 3,8 раза, а в Новгородской области – более чем на четверть). Производство яиц в анализируемом периоде в стране уменьшилось всего на 14% при его росте в 22 субъектах Российской Федерации (в т.ч. в Республике Мордовии в 3,3 раза, а в Белгородской, Ярославской областях и Республике Удмуртии – соответственно в 2,8, 2,3 и 2,1 раза)

А вот овощи оказались единственным из рассмотренных видов сельскохозяйственной продукции, производство которого в рассматриваемом периоде выросло (17%); увеличилось оно в 40 регионах, в наибольшей степени – в Республиках Дагестан (в 4,1 раза), Кабардино-Балкарской и Алтай (в 3,1 раза в каждой).

«Среднее значение» динамики сельскохозяйственного производства было сопоставлено с изменением численности сельского населения по данным последней переписи населения СССР (1989 г.) и второй переписи населения Российской Федерации (2010 г.). В результате расчетов удалось выявить несколько групп регионов, различающихся количественным сочетанием рассмотренных показателей (*таблица 1*).

Результаты оказались вполне предсказуемыми: типичной являлась ситуация, когда сельское население в субъекте Российской Федерации уменьшалось медленнее сокращения объемов сельскохозяйственного производства (40 регионов), либо вообще увеличивалось (16 регионов). Собственно говоря, по-другому и не могло быть, т.к. в Российской Федерации в целом при сокращении объемов сельскохозяйственного производства на 25% численность сельского населения снизилась всего на 4%. Парадоксально, но факт: по статистическим критериям Российскую Федерацию репрезентирует в данном случае лучше всего Республика Калмыкия, в которой значения данных показателей составили соответственно 25% и 7%. Регионы этих двух групп составили «критическую массу»: их оказалось 56 из 79 включенных в *таблицу 1*⁷.

⁶ Здесь и ниже для расчетов использовались данные, опубликованные в разделе «Сельское и лесное хозяйство» статистического ежегодника Росстата «Регионы России. Социально-экономические показатели».

⁷ Исключая гг. Москву и Санкт-Петербург с отсутствием сельскохозяйственного производства, а также Чеченскую Республику и Республику Ингушетию, данные об объемах сельскохозяйственного производства в каждой из которых за 1990 г. отсутствуют и приводятся в целом по Чечено-Ингушской АССР.

Таблица 1. Динамика объемов сельскохозяйственного производства и численности сельского населения в регионах Российской Федерации

Группы регионов/регионы	Индекс объема сельскохозяйственного производства (2010 г. к 1990 г.)	Индекс численности сельского населения (2010 г. к 1989 г.)
С сокращением объема сельскохозяйственного производства и ростом численности сельского населения – 16 регионов		
Московская область	0,44	1,05
Самарская область	0,45	1,01
Калининградская область	0,59	1,15
Республика Бурятия	0,60	1,02
Свердловская область	0,65	1,14
Республика Адыгея	0,79	1,04
Ставропольский край	0,79	1,07
Кемеровская область	0,79	1,00
Республика Башкортостан	0,79	1,13
Оренбургская область	0,80	1,07
Ростовская область	0,81	1,14
Ленинградская область	0,83	1,04
Краснодарский край	0,86	1,16
Республика Северная Осетия – Алания	0,96	1,30
Карачаево-Черкесская Республика	0,99	1,30
Томская область	0,98	1,00
С сокращением объема сельскохозяйственного производства и замедленным сокращением численности сельского населения – 40 регионов		
Чукотский АО	0,21	0,40
Тверская область	0,36	0,71
Ямало-Ненецкий АО	0,38	0,73
Смоленская область	0,42	0,72
Псковская область	0,42	0,64
Ульяновская область	0,45	0,86
Камчатский край	0,45	0,83
Сахалинская область	0,46	0,80
Республика Коми	0,49	0,68
Брянская область	0,50	0,81
Тамбовская область	0,51	0,77
Хабаровский край	0,52	0,77
Республика Карелия	0,52	0,96
Ивановская область	0,52	0,88

Республика Тыва	0,54	0,88
Архангельская область	0,54	0,72
Орловская область	0,54	0,80
Пензенская область	0,54	0,79
Еврейская автономная область	0,56	0,78
Курская область	0,57	0,69
Калужская область	0,59	0,72
Чувашская Республика	0,60	0,91
Курганская область	0,62	0,72
Амурская область	0,62	0,82
Кировская область	0,62	0,68
Рязанская область	0,63	0,71
Забайкальский край	0,63	0,79
Владимирская область	0,66	0,93
Пермский край	0,68	0,94
Тульская область	0,68	0,90
Вологодская область	0,69	0,74
Нижегородская область	0,69	0,80
Воронежская область	0,71	0,87
Республика Калмыкия	0,75	0,93
Липецкая область	0,79	0,92
Республика Татарстан	0,80	0,95
Республика Саха (Якутия)	0,83	0,95
Челябинская область	0,90	0,99
Саратовская область	0,91	0,93
Алтайский край	0,98	0,99
С сокращением объема сельскохозяйственного производства и ускоренным сокращением численности сельского населения – 9 регионов		
Магаданская область	0,27	0,11
Мурманская область	0,80	0,61
Новосибирская область	0,88	0,86
Ярославская область	0,91	0,83
Приморский край	0,92	0,91
Иркутская область	0,93	0,90
Республика Марий Эл	0,94	0,88
Костромская область	0,98	0,80
Новгородская область	0,99	0,81
С увеличением объема сельскохозяйственного производства и опережающим ростом численности сельского населения – 1 регион		
Республика Хакасия	1,00	1,11

С увеличением объема сельскохозяйственного производства и замедленным ростом численности сельского населения – 7 регионов		
Республика Алтай	1,10	1,07
Ханты-Мансийский АО – Югра	1,15	1,13
Тюменская область	1,20	1,04
Кабардино-Балкарская Республика	1,51	1,33
Белгородская область	1,53	1,01
Республика Дагестан	2,01	1,59
Астраханская область	2,43	1,06
С увеличением объема сельскохозяйственного производства и сокращением численности сельского населения – 6 регионов		
Волгоградская область	1,05	0,99
Красноярский край	1,06	0,81
Удмуртская Республика	1,10	0,97
Республика Мордовия	1,11	0,78
Омская область	1,26	0,81
Ненецкий АО	1,50	0,70

На другом полюсе находились 13 регионов, в которых производство рассмотренных видов сельскохозяйственной продукции увеличилось, в то время как рост численности сельского населения оказался более медленным, либо вообще количество сельских жителей сократилось.

Тем не менее данные *таблицы 1* не дают представления, насколько остра проблема сельского перенаселения в Российской Федерации. Отчасти такую достаточно грубую оценку можно осуществить с использованием показателей, характеризующих распределение сельского населения по регионам выделенных нами укрупненных групп. В состав первой из них были включены регионы с сокращением сельскохозяйственного производства и замедленным сокращением либо ростом численности сельского населения (в дальнейшем они условно называются «плохими» регионами); в состав второй – регионы с сокращением сельскохозяйственного производства и ускоренным сокращением численности сельского населения («средние» регионы); и в состав третьей группы – регионы с ростом сельскохозяйственного производства и сокращением либо замедленным увеличением численности сельского населения («хорошие» регионы)⁸.

Оговорюсь, что разделение регионов на группы носит достаточно условный характер, поскольку субъекты Российской Федерации, вошедшие в каждую из них, могут различаться по иным социально-экономическим параметрам. Например, вряд ли можно серьезно говорить о сельском перенаселении на большей части территории Московской области с ее диверсифицированной экономикой и возможностями занятости в других (помимо сельского хозяйства) видах экономической деятельности.

8 Включая Республику Хакасию (см. *таблицу 1*).

Результаты оценки распределения населения по регионам выделенных групп представлены на *рисунке 1*.

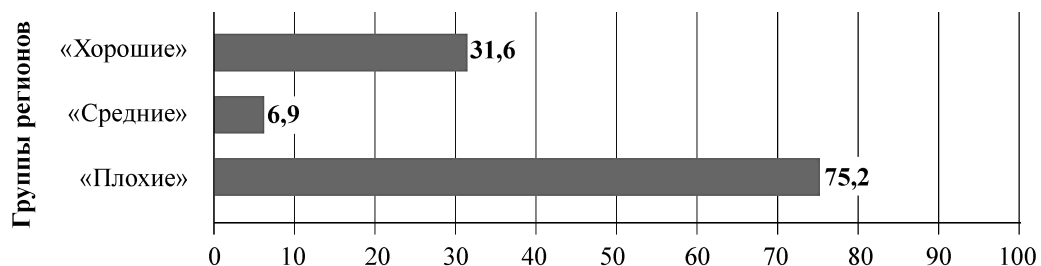

Рисунок 1. Распределение сельского населения по группам регионов в 2010 г., %

Видно, что более 3/4 сельских жителей, согласно данным переписи населения 2010 г., проживали в регионах, где в рассматриваемом периоде при сокращении производства основных видов сельхозпродукции наблюдался либо рост, либо замедленное сокращение численности сельского населения. По сути, именно эти регионы характеризовались наиболее высоким риском роста безработицы в сельской местности и могли рассматриваться как регионы с высоким уровнем социальной напряженности.

Эти данные корреспондируют с показателями уровня безработицы сельского населения, которые могут быть определены на основе данных проводимых Росстатом с месячной периодичностью обследований населения по проблемам занятости. На *рисунке 2* видно, что в «худшей» группе регионов в 2011 г. наблюдался самый высокий уровень безработицы сельского населения, который превосходил этот уровень в «лучшей» группе регионов почти на 10%.

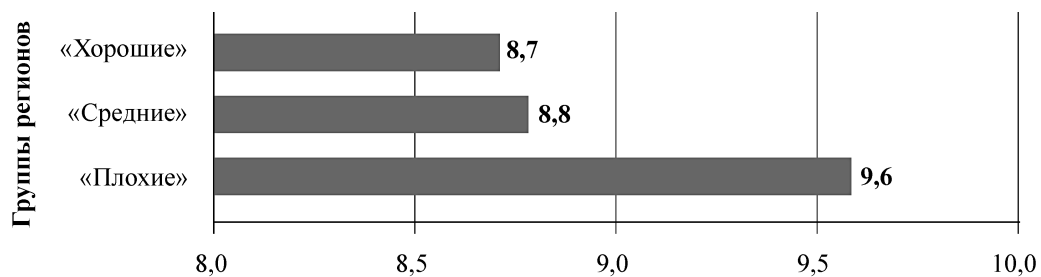

Рисунок 2. Уровень безработицы сельского населения в отдельных группах регионов в 2011 г., %

Интересно сопоставить эти результаты с показателями, которые характеризуют возрастную структуру населения в выделенных трех группах регионов. Ведь если окажется, что она смещена в сторону старших групп жителей, то будет получено дополнительное подтверждение тезису о вымирании российской деревни. Сложившаяся ситуация иллюстрируется данными *таблицы 2*.

Оказалось, что группа «плохих» субъектов Российской Федерации характеризуется в целом повышенной долей сельского населения старше трудоспособного возраста и более высоким средним возрастом сельских жителей. Значения этих показателей оказались соответственно более чем на 1/5 и почти на 7% выше, чем в «хороших» регионах. Таким образом, тезис о большем риске демографического вымирания регионов со спадом сельскохозяйственного производства получает статистическое подтверждение.

Таблица 2. Возрастная структура населения в укрупненных группах регионов Российской Федерации с различными соотношениями динамики объемов сельскохозяйственного производства и численности сельского населения

Группа регионов	Доля сельского населения старше трудоспособного возраста, %		Возраст сельских жителей, лет	
	Среднее значение	Медиана	Среднее значение	Медиана
«Плохие»	22,7	23,8	39,3	40,2
«Средние»	21,9	21,0	39,2	39,4
«Хорошие»	18,6	18,9	36,8	36,7

Безусловно, не все регионы, которые вошли в их укрупненные группы, однородны по демографическим характеристикам сельского населения. Например, в «плохих» регионах доля сельского населения старше трудоспособного возраста колебалась от 7,8% в Ямало-Ненецком АО до 34,2% в Рязанской области, а средний возраст сельского населения – от 28,5 лет в Республике Тыва до 44,7 лет в Псковской области. Аналогичные разрывы наблюдались и в «хороших» регионах, где минимальная доля сельского населения в возрасте старше трудоспособного оказалась в Ханты-Мансийском АО – Югре (11,1%), а максимальная – в Белгородской области (28,4%); минимальный средний возраст сельского населения был отмечен в Республике Дагестан (30,6 лет), а максимальный – также в Белгородской области (42,4 года). Тем не менее имеет смысл отметить, что «хорошие» регионы представляют собой более однородную группу по сравнению с «плохими»: так, в группе «хороших» регионов средние и медианные значения показателей практически совпадают. В группе же «плохих» регионов наблюдается очевидное смещение в сторону тех из них, в которых сельское население является более возрастным.

На фоне этих показателей важно не потерять ключевой вывод: он состоит в том, что острота социальных проблем, связанных с сокращением сельскохозяйственного производства в регионах с растущим аграрным перенаселением отчасти купируется смещенностью возрастной структуры населения в сторону старших групп жителей. Меньший период предстоящей трудовой деятельности означает, что потребность в рабочих местах в «плохих» регионах ниже относительно «хороших» регионов.

Пусть автора упрекнут в гендерном шовинизме, но он задался целью выяснить, имеются ли также различия между «плохими», «средними» и «хорошими» регионами в соотношении между мужчинами и женщинами, проживающими в селах. В результате обработки материалов переписи населения России 2010 г. оказалось, что в «плохих» регионах средняя доля женщин составила 52,4%, в то время как эти доли в «средних» и «хороших» регионах были несколько ниже, соответ-

ственно 51,6% и 51,7%. Таким образом, гендерную структуру сельского населения в регионах, где снижение объемов сельскохозяйственного производства оказалось наибольшим, можно определить как более толерантную к этому спаду (как известно, женщины оказываются более стойкими, сталкиваясь с социально-экономическими и бытовыми катаклизмами).

Скрытая безработица или рост производительности?

Анализ соотношения динамики объемов сельскохозяйственного и изменения численности сельского населения был бы односторонним, если бы не удалось ответить на еще один принципиальный вопрос. Состоит он в том, происходит ли рост производительности занятых в сельском хозяйстве или же в нем происходит аккумулярование избыточной занятости. Для получения ответа на этот вопрос автор соотнес физический объем производства перечисленных шести видов сельскохозяйственной продукции к численности занятых в сельском хозяйстве соответствующих регионов в 1990 и 2010 гг. (рисунок 3).

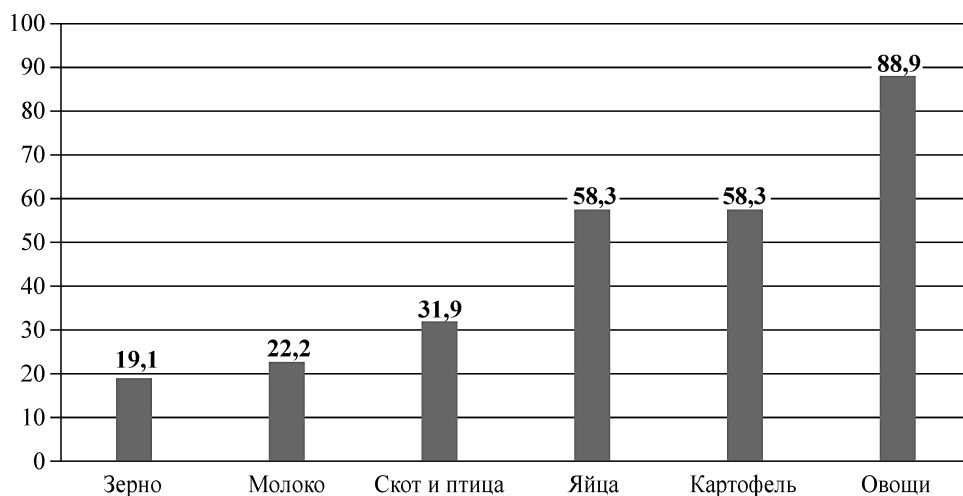

Рисунок 3. Доли регионов с ростом производительности труда по отдельным видам сельскохозяйственной продукции в 2010 г. по сравнению с 1990 г., %

Ну а теперь естественно посмотреть, какие из «плохих» регионов характеризовались ростом производительности труда и, следовательно, сокращением избыточной численности занятых. Ситуация оказалась достаточно своеобразной⁹.

⁹ Отсутствие сопоставимых статистических данных за 1990 г. обусловило исключение из числа регионов, для которых рассчитывалась производительность труда следующих 7 субъектов Российской Федерации: Карачаево-Черкесской Республики, Тюменской и Еврейской автономной областей, Ненецкого, Ханты-Мансийского, Чукот-

Производительность труда занятых в сельском хозяйстве, оцениваемая по валовому сбору зерна (в России в целом она снизилась на 29,5% – с 1304 кг до 919 кг), увеличилась в 13 регионах, 10 из которых входили в группу «плохих», а 3 – в объединенную группу «хороших» и «средних» регионов. Доля «худших» регионов, в которых сбор зерна в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве увеличился, в общем числе регионов этой группы, где осуществлялось посеvy зерновых культур, составила 19,2%. Для совокупности «хороших» и «средних» регионов эта доля оказалась даже несколько ниже (15%).

Выработка молока в расчете на занятого в сельском хозяйстве в стране снизилась на 22,9% – с 6225 кг до 4797 кг. Увеличилась она только в 17 регионах, из которых 8 входили в группу «плохих» (т.е. всего в 15,4% их общей численности), а 9 – в группу «хороших» и «средних» регионов (соответственно уже в 45%).

Производительность труда занятых в сельском хозяйстве, оцениваемая по сбору картофеля, в стране сократилась незначительно – на 7,6% (с 3441 кг до 3178 кг). Однако число регионов, в которых этот показатель увеличился, оказалось больше числа регионов, в которых он уменьшился, – соответственно 42 против 30. В числе регионов с ростом сбора картофеля на занятого в сельском хозяйстве – 28 «плохих» и 14 – «хороших» и «средних» (соответственно 53,8% и 70% общего числа регионов этих групп).

В еще меньшей степени в России снизилось производство скота и птицы на убой в расчете на занятого в сельском хозяйстве – всего на 4,4% (с 1130 кг до 1080 кг). Увеличилось значение данного показателя в 23 регионах, 14 из которых входили в группу «плохих» а 9 – в группу «хороших» и «средних» регионов (соответственно 26,9% и 45% регионов этих групп).

Что касается оставшихся двух рассмотренных видов сельскохозяйственной продукции – яиц и овощей, то их производство в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве за два десятилетия в Российской Федерации в целом увеличилась. По яйцам этот рост составил 15,3% или 812 шт. (с 5304 шт. до 6115 шт.). Регионы, в которых наблюдался рост производительности труда по этому продукту (42), количественно доминировали над теми, где имело место снижение данного показателя (30). Из 42 регионов, где динамика показателя оказалось положительной, 27 относились к группе «плохих», а 15 – к группе «хороших» и «средних» регионов. Таким образом, производство яиц на одного занятого в сельском хозяйстве возросло в 51,9% «плохих» регионов и в 75% – «хороших» и «средних».

Наконец, сбор овощей в расчете на занятого в сельском хозяйстве за двадцатилетие существенно увеличился – с 1151 кг до 1823 кг, т.е. на 672 кг, или на 58,4%. Регионов, в которых наблюдался рост производительности труда по этому продукту (64), было существенно больше, чем регионов с уменьшением этого показателя (8). Из 64 регионов с ростом производительностью труда занятых в сельском хозяйстве, оцениваемой по сбору овощей, 45 входили в группу «плохих», а 19 – в группу «хороших» и «средних» регионов. Таким образом, валовой сбор овощей на одного занятого в сельском хозяйстве увеличился в 86,5% «плохих» регионов и практически во всех (95%) – «хороших» и «средних».

В 71 из 72 регионов (исключение составила Республика Северная Осетия – Алания) произошел рост производительности труда хотя бы по одному из рассмот-

ского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Таким образом, расчеты производительности труда были проведены по 72 регионам.

ренных видов сельскохозяйственной продукции. «Рекордсменом» в этом смысле оказались Красноярский край (рост производства в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве произошел по всем видам продукции), за которым следовали Алтайский край, Кемеровская, Липецкая, Омская и Тульская области (соответственно по 5 из 6 видам продукции). В 15 регионах производительность выросла по 4 видам продукции, в 20 – по 3, также в 20 – по 2 и в 10 регионах – всего по 1 виду сельскохозяйственной продукции (в большинстве случаев – это овощи).

Куда податься бедному селянину

Итак, мы выяснили, что в абсолютном большинстве регионов Российской Федерации сокращение объемов сельскохозяйственного производства сочеталось с медленным уменьшением либо даже ростом численности сельского населения. Следовательно, можно было бы предположить, что российская деревня в целом, несмотря на абсолютное сокращение числа жителей в ней, страдает от перенаселения.

Однако острота данной проблемы отчасти купируется двумя обстоятельствами – во-первых, большим средним возрастом сельских жителей (меньшей по сравнению с горожанами ожидаемой продолжительностью жизни до наступления пенсионного возраста) и, во-вторых, смещенностью гендерной структуры сельского населения в пользу женщин, которые легче мужчин адаптируются к социально-экономическим трансформациям

С другой стороны, в некоторых регионах сельскому перенаселению способствует рост производительности труда в производстве важнейших видов сельскохозяйственной продукции.

Но куда же податься сельскому жителю в том случае, если резко сужаются возможности занятости на месте его постоянного проживания? Естественно, сначала осуществляется поиск рабочего места в близлежащих городских поселениях. Однако такие возможности есть далеко не везде. Расчеты, выполненные при подготовке статьи, показали, что имеется статистически значимая корреляционная связь между уровнями безработицы среди сельского и городского населения. По всей совокупности субъектов Российской Федерации коэффициент корреляции Пирсона составил 0,65, в т.ч. по группе «плохих» регионов – 0,69 (в обоих случаях при уровне значимости 0,01). Это означает, что чем выше/ниже уровень безработицы сельского населения в регионе, тем соответственно выше/ниже уровень безработицы городского населения.

В 50 из 56 «плохих» регионов уровень безработицы городского населения оказался ниже уровня безработицы сельского населения, т.е. действительно городские поселения предоставляли больше возможностей трудовой деятельности проживавшим в них. Исключениями стали Чувашская Республика, Владимирская область, Республика Татарстан, Калужская и Липецкая области, в которых уровень безработицы городского населения оказался выше данного показателя для сельского населения (еще в одном регионе – Московской области – уровни безработицы горожан и селян практически совпали).

Но тем не менее возможности трудоустройства в близлежащих городских поселениях не безграничны, и поэтому возникает такой феномен как межрегиональ-

ная трудовая миграция. Ее масштабы могут быть оценены с использованием данных проводимого Росстатом с месячной периодичностью обследования населения по проблемам занятости. Например, в 2010 г. участниками внутренней трудовой миграции в Российской Федерации были более 1,7 млн чел. (около 2,5% общей численности занятых в экономике страны).

Для того чтобы определить, влияет ли ситуация в сельском хозяйстве на внутреннюю межрегиональную трудовую миграцию, были сопоставлены доли регионов выделенных групп в общей численности сельского населения (рисунок 1) с их долей в общей численности выехавших на работу в другие регионы страны. Для обеспечения методической корректности расчетов не учитывались данные по Ленинградской и Московской областям, поскольку основная масса трудовых мигрантов из них направляются на работу в формально другие субъекты Российской Федерации (соответственно гг. Санкт-Петербург и Москву), которые фактически играют для них ту же роль, что и для соответствующих регионов субфедерального уровня – столицы республик, краевых и областных центров. Результаты расчетов представлены на рисунке 4.

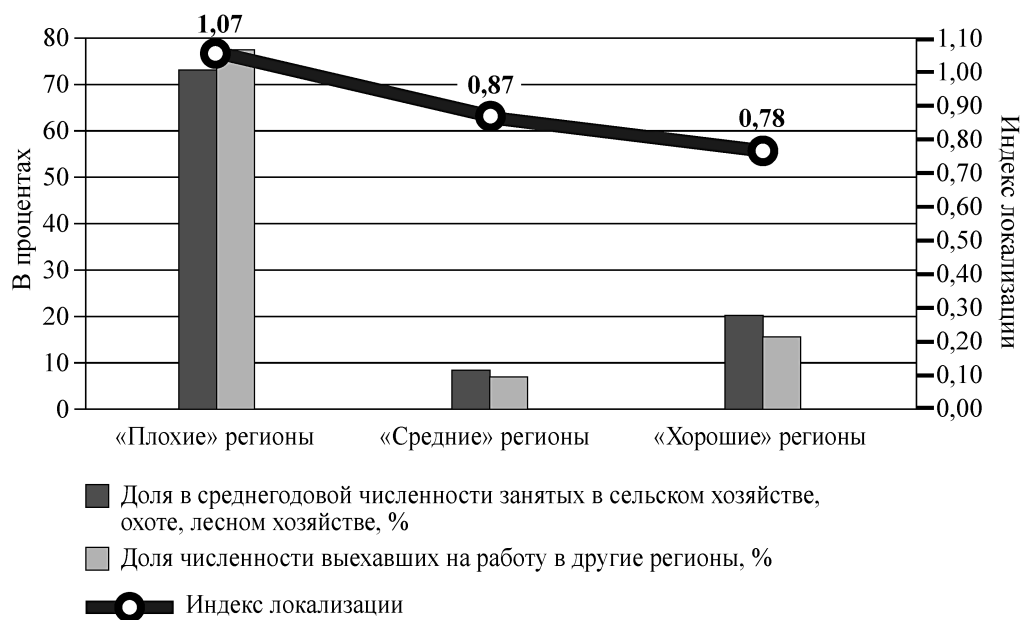

Рисунок 4. Изменение численности занятых в сельском хозяйстве в 1990–2010 гг. и межрегиональная трудовая миграция в 2010 г.

Видно, что для группы регионов, в которых сокращение сельскохозяйственного производства сочетается с более медленным сокращением или даже ростом сельского населения, характерно превышение доли в численности занятых в сельском хозяйстве над долей в численности выехавших на работу в другие регионы России. Естественно, что значение индекса локализации оказалось больше 1.

Однако далеко не во всех регионах этой группы рассмотренное соотношение было именно таким: из 54 «плохих» регионов, включенных в анализ, индекс локализации был больше 1 в 22 регионах, а меньше 1 – соответственно в 32 (заметим, что, судя по результатам обследования, не выезжали на работу в другие регионы жители Республик Северная Осетия – Алания и Саха (Якутия), Камчатского края, Ростовской и Сахалинской областей, а также Чукотского автономного округа).

В двух других группах регионов среднегрупповое значение индексов локализации оказалось меньше 1, причем самым низким оно было в «хорошей» группе регионов. Однако и здесь имелись исключения из общего правила: так, из 14 регионов этой группы в 3 индекс локализации был больше 1, а среди 9 «средних» таких регионов оказалось 4.

Поэтому можно сделать вывод, что гипотеза о влиянии типа соотношений между динамикой объема сельскохозяйственного производства и изменением численности сельского населения на внутреннюю трудовую миграцию подтверждается только на уровне выделенных групп регионов.

Сельское хозяйство: фактор процветания или упадка?

Интересно также выяснить, есть ли какое-либо влияние динамики сельскохозяйственного производства на благополучие жителей регионов. Такую оценку удалось получить с использованием данных Росстата об изменении доходов населения в региональном разрезе за интересующий нас двадцатилетний период. К сожалению, число субъектов Российской Федерации, по которым удалось провести расчеты пришлось уменьшить до 62 в связи с тем, что после 1990 г. произошли изменения в административно-территориальном делении страны¹⁰.

Душевые доходы населения отдельных регионов страны в 2010 г. были отнесены к их величине в 1990 г. Полученные отношения были нормированы на максимальное значение данного отношения (121535 в Республике Дагестан), которое принималось за 1. Далее по рассчитанным ранее значениям изменения объемов производства сельскохозяйственной продукции были последовательно осуществлены ранжирование субъектов Российской Федерации и их разделение на 5 групп (по 13 регионов в группах с наименьшими и наибольшими значениями отношения и по 12 регионов в трех промежуточных группах). Средние показатели изменения душевых доходов по группам регионов были сопоставлены с изменением средних показателей объемов сельскохозяйственного производства (рисунок 5).

Видно, что динамика душевых доходов населения не была связана с динамикой сельскохозяйственного производства, во всяком случае, по включенным в анализ 6 ее видам. Максимальное значение этой величины (0,64 в первой и третьей группах регионов) превысило ее минимальное значение (0,57 во второй группе регионов) всего на 12,2%. Заметим, что по всей совокупности регионов максимальное значение данной величины (как уже отмечалось, 1,00 в Республике

¹⁰ Данные за 1990 г. по Краснодарскому краю приведены с учетом Республики Адыгея, Ставропольскому краю – Карачаево-Черкесской Республики, Алтайскому краю – Республики Алтай, Красноярскому краю – Республики Хакасия, Хабаровскому краю – Еврейской автономной области и Магаданской области – с учетом Чукотского автономного округа.

Дагестан) превысило ее минимальное значение (0,27 в Республике Калмыкии) в 3,8 раза. Коэффициент корреляции Пирсона между рассматриваемыми показателями составил 0,135 и оказался незначимым, что подтвердило уже сделанный вывод. Иными словами, в регионах с неблагоприятной динамикой сельскохозяйственного производства существуют компенсаторные механизмы возможного падения доходов населения. Таковой является, прежде всего, рассмотренная выше трудовая миграция (внутри- и межрегиональная).

Интерес представляет и анализ возможной роли социальных трансфертов, в первую очередь, государственных трудовых пенсий в смягчении остроты социальных проблем в регионах с существенным падением объемов сельскохозяйственного производства.

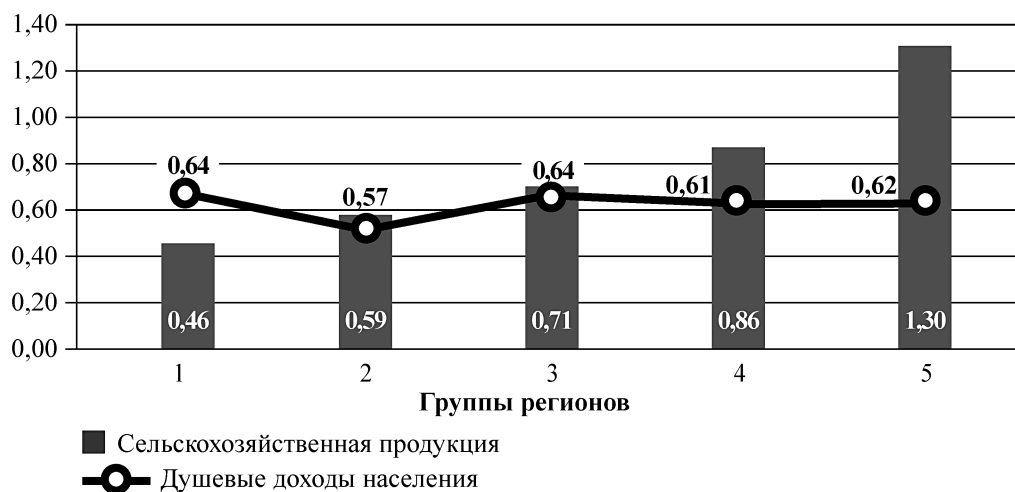

Рисунок 5. Изменение душевых денежных доходов населения (нормированная величина) и объемов сельскохозяйственного производства в 1990–2010 гг.

Как и в случае с душевыми доходами, средний размер назначенной месячной пенсии в отдельных регионах России в 2010 г. были отнесены к их величине в 1990 г. Полученные отношения были нормированы на максимальное значение данного отношения (в данном случае 78697 в Республике Карелия), которое было принято за 1. Средние показатели изменения размеров назначенных месячных пенсий по тем же группам регионов, что и в случае с душевыми денежными доходами населения, были сопоставлены с изменением средних показателей объемов сельскохозяйственного производства. Результаты проведенных расчетов оказались достаточно любопытными (рисунок 6).

Мы видим, что имеет место слабо выраженная обратная зависимость между динамикой сельскохозяйственного производства и изменением среднего размера пенсий (для большей наглядности последний показатель рассчитан с точностью не до сотых, а до тысячных). Максимальное же значение данного показателя

превысило его минимальное значение на 2,4%. По всей совокупности регионов максимальное значение данной величины (как уже отмечалось, 1,00 в Республике Карелия) превысило ее минимальное значение (0,76 в Кабардино-Балкарской Республике) приблизительно на одну треть¹¹. Эта зависимость проявляется только на уровне выделенных групп регионов, в то время как коэффициент корреляции Пирсона по всей их совокупности хотя и составил отрицательную величину (-0,103), но оказался не значимым.

Рисунок 6. Изменение среднего размера назначенных месячных пенсий (нормированная величина) и объемов сельскохозяйственного производства в 1990–2010 гг.

Есть ли перспективы?

Ответ на этот вопрос зависит от того, что мы имеем в виду под перспективами. Если говорить о возрождении традиционного российского села в советской плановой оболочке, то ответить на поставленный вопрос можно категорическим «нет». Современная рыночная оболочка не позволит равномерно «размазывать» бюджетные ресурсы по территории страны и воспроизводить неэффективное производство. Выживает сильнейший. Другое дело, что предпосылки выживания могут быть не только рыночными, но и административными. Примеры масштабной поддержки региональными администрациями сельского хозяйства на подведомственных им

¹¹ Существенно меньший по сравнению с душевыми доходами межрегиональный разрыв объясняется тем, что фактически система государственного пенсионного обеспечения в России так и не стала в полной мере страховой. Значительную роль в ее формировании по-прежнему играет государство, определяя фиксированный базовый размер трудовой пенсии. В феврале 2013 г. она составляла около 3,5 тыс. руб. (33,7% среднего размера назначенных месячных пенсий (в 2002 г. доля базовой части трудовой пенсии в общей ее величине составила меньшую величину – 28,3%).

территориях хотя и не многочисленны, но имеются (вспомним хотя бы о росте производства скота и птицы на убой в 1990–2010 гг. в Белгородской области почти в 4 раза и о его сокращении почти в 2 раза в соседней Липецкой области). Но подобного рода поддержка зависит во многом от личных предпочтений главы региона. И если на место «сельхозника» придет «промышленник», а в худшем случае – «спортсмен», то благополучный сельскохозяйственный регион может попасть в число деградирующих. Конечно, если за время существования тепличных условий его сельское хозяйство не нашло устойчивых рынков сбыта и не стало экономически эффективным.

Но если мы правы, то естественно возникает вопрос о перспективах альтернативных, и тут уже появляются различные варианты прогноза этих перспектив.

Один из получивших распространение в последнее время – вариант, определенный уже упоминавшимся Н.Е. Покровским как «клеточная глобализация», заключающаяся в «микроизменениях повседневных практик, обычаев и привычек даже в тех сообществах, которые традиционно считаются периферийными по отношению к магистральным путям глобализации» [Покровский 2012]. Этот прогноз развития событий хорош всем (его логично назвать «оптимистическим», но пока не отвечает на несколько важных вопросов. Первый: насколько масштабны ресурсы дауншифтинга, понимая под последним исход из городов, конечно, не в пригородные коттеджные поселки, а в жилую и социальную инфраструктуру традиционных сел, утративших свои сельскохозяйственные функции? Статистика бесстрашна: в период между переписями населения 2002 и 2010 гг. доля сельского населения в общей численности жителей страны сократилась с 27% до 26%, а в абсолютном выражении – почти на 1,2 млн чел.; «вклад» же селян в общее уменьшение численности населения России превысил 50%. Поэтому говорить о поворачивании «вспять» миграционных процессов пока не приходится.

Мнение о важной роли фрилансерства и развитии дистантных форм занятости как факторе миграции населения из городов в сельскую местность также не находит своего статистического подтверждения. Дистантная занятость смещается преимущественно в коттеджные поселки (частный случай – резиденции руководства государства), но не в сельские поселения, удаленные от городских удобств.

Другое дело, что вес вновь прибывшего дауншифтера относительно старожилов повышен в силу, как правило, более высокого образовательного ценза переселенца и наличия у него большего числа социально-экономических практик. Он нуждается в обустройстве и обслуживании, а, следовательно, генерирует новые рабочие места; он является проводником новых практик и технологий, которые зачастую взрывают и окончательно разрушают старые сообщества.

Именно разрушение – ключевое в том прогнозе, сторонником коего является автор данной статьи. Вспоминается советский писатель, сыгранный П. Щербатовым в гениальных «Тридцать три» Г. Данелия: «новая форма требует нового содержания, но и новое содержание требует новой формы». Так и с российским селом: в ветшающих декорациях советской эпохи не создать информационное общество. Инфраструктура должна быть иной, и автор недаром упоминал о коттеджных поселках, начиненных современными удобствами. История учит, что разрушение неизбежно – достаточно вспомнить о массовой гибели помещичьих усадеб¹², которым советская власть с ее плановым хозяйством так и не нашла адек-

¹² Все упоминавшиеся в статье усадьбы в советский период ждала нелегкая судьба. Дом в Соколово был утрачен. Та же судьба постигла и «Яшкин дом» в Абрамцево, построенный для И.Е. Репина и который ныне мож-

ватного применения, деградацию в 1990–2000-е гг. многих крупных советских промышленных предприятий, территория и здания которых трансформируются в торгово-развлекательные центры или жилые кварталы. Риску утверждать, что реформатизация ждет и абсолютным большинством российских сел. В предельном случае – они просто исчезнут, и спустя пару сотен лет наши потомки, может быть, в той же Костромской области будут создавать музей советского колхоза, радуясь находке очередного фундамента, и рассуждая, что же стояло на этом фундаменте: ферма, клуб или ремонтная мастерская. Деревне Медведево – базе Угорского проекта – в этом смысле повезет: в архивах найдется ее Генеральный план, составленный д.г.н. Т.Г. Нефедовой. На плане видно, что в деревне некогда существовали 47 домов. В 2012 г. только в 5 из них имелись местные жители, 3 дома стояли заброшенными, 13 – принадлежали дачникам, а один после смерти хозяина еще не обрел нового собственника. Остальные дома исчезли, равно как и 2 колхозные постройки (остальные 6 стояли заброшенными). А несколько близлежащих деревень вымерли полностью.

Впрочем, Медведево, возможно, и сохранится, поскольку здесь имеется сочетание креативной московской профессуры с продвижением современных институциональных форм организации социума, поддержкой временных рабочих мест (ремонт и строительство, сбор даров леса для дачников). Но насколько устойчивыми окажутся эти драйверы в будущем – пока непонятно.

Кроме того, перспективы абсолютного большинства деревень ухудшаются из-за невыгодного транспортно-географического положения, не позволяющего расширить перечень драйверов. Удачным примером является деревня Сатино в составе сельского поселения «Деревня Совьяки» в Калужской области, где с начала 1970-х гг. действует учебно-научная база Географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Сравнительно небольшая удаленность (немногим более 100 км от Москвы) способствовала развитию здесь в новейшие времена коттеджного строительства¹³, некоторых форм событийного туризма (традиционные слеты выпускников геофака, а с 1999 г. – и линукс-фестивали¹⁴).

Подобного масштабного, если можно так сказать, системного драйвера нет, и быть не может в абсолютном большинстве небольших деревень. А это значит, что они объективно обречены в лучшем случае на стагнацию. Единственный шанс – поиск новых индивидуальных ниш для извлечения доходов. Думаю, что в случаях, подобных неоднократно упоминаемому периферийному по географическому положению Медведево¹⁵, переход на качественно новую ступень развития возможен только при внесении в стратегию его дальнейшего развития компонентов элитарности. Производство экологически чистой сельскохозяйственной продукции (такая мысль была высказана Н.Е. Покровским), конечно, возможно,

но увидеть лишь на картине А.М. Васнецова. Главный дом в Мелихово – это новодел, воссозданный в 1960 г. к 100-летию со дня рождения А.П. Чехова.

¹³ Мы не обсуждаем здесь правовую правомерность такого строительства на землях сельскохозяйственного назначения.

¹⁴ Коллективный отдых большого числа пользователей linux и свободного программного обеспечения. До 2010 г. были проведены 12 таких фестивалей (см. раздел «Младший Брат» на сайте «Паровоз ИС») [LinuxFest].

¹⁵ О важности транспортно-географического положения можно судить по следующему факту: в том же Медведево цены на избы за последние 7–8 лет увеличились не более, чем в 3 раза, а в некоторых деревнях Смоленской области за сопоставимый период – в 20 раз (во всяком случае, таков личный кейс ведущего одной из экономических аналитических программ российского телевидения, гостем которой регулярно был автор).

но нужно четко представлять, что ее цена будет велика, и она вряд ли выдержит конкуренцию с аналогичной продукцией, которая производится гораздо ближе к конечному потребителю. Развитие туризма, конечно, тоже возможно (природные ресурсы здесь уникальны), но отсутствие в настоящее время какой бы то ни было инфраструктуры сдвигает реализацию этого варианта на долгосрочную перспективу.

Поэтому в глазах читателя я, конечно, буду выглядеть пессимистом. Но пессимистом, как мне представляется, вполне объективным. А вывод таков, что основным трендом сельской России является консервация ее земельных ресурсов. Но такой тренд типичен. Консервация, а потом разборка малодеятельных железнодорожных линий широкой колеи, практически полная ликвидация сети узкоколейных дорог¹⁶, закрытие обычных продовольственных магазинов из центров крупных городов, формирование сплошных паркингов на их улицах – тренды той же природы. Это может нравиться или не нравиться, но является неизбежной платой за трансформацию экономической системы.

Литература

- Бачурин Е.* Тексты печен и аккорды // <http://www.nomorelyrics.net/ru/song/8915.html> (*Bachurin E.* Lyrics and Chords // <http://www.nomorelyrics.net/ru/song/8915.html>).
- Герцен А.И.* Былое и думы. Часть 4 // www.lib10.ru/russian_classic/gertsen_ai/byiloe_i_dumyi_chast_chetvertaya.4028/?page=46 (*Herzen A.I.* My Past and Thoughts. Part 4 // www.lib10.ru/russian_classic/gertsen_ai/byiloe_i_dumyi_chast_chetvertaya.4028/?page=46).
- Заклейменные властью. Анкеты, письма, заявления политзаключенных в Московский Политический Красный Крест и Помощь политзаключенным, во ВЦИК, ВЧК-ОГПУ-НКВД // www.pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/St.html#st.43 (Stamped by the Power. Questionnaires, Letters, Applications of the Political Prisoners directed to Moscow Political Red Cross and Assistance for the Political Prisoners, to VTSIK, VCHK-OGPU-NKVD // www.pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/St.html#st.43).
- Ленин В.И.* (1973) Левонародничество и марксизм // ПСС, том 25, с. 235–237 (*Lenin V.I.* (1973) Left Populism and Markxism // Complete Works. Vol. 25).
- Мамонтов С.И.* Летопись селца Абрамцево // www.vitale2.livejournal.com/3027.html (*Mamontov S.I.* Chronicle of the Abramtsevo village // www.vitale2.livejournal.com/3027.html).
- Моя малая родина. Деревня Угоры // www.rodina-portal.ru/settelments/history/id/4401000007600 (*My Minor Motherland. The Village Ugory* // www.rodina-portal.ru/settelments/history/id/4401000007600).
- Настоящее и будущее Ближнего Севера (2012). Экономика, экология, сообщества // Сб. науч. трудов под ред. Н.Е. Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов (The Present and the Future of the Near North (2012). Economy, Ecology, Communities // Collection of scientific works. Edited by professor of sociology, Prof. Dr. Pokrovsky N.E. Moscow. Soobzhestvo professionalnykh sotsiologov).
- Никешина Н.* (2012) Слаженно провели посевную // Авангард. Общественно-политическая газета города Мантурова и Мантуровского района Костромской области. № 63 (12834). 2 июня (*Nikeshina N.* (2012) The Sowing Campaign was well Coordinated //

¹⁶ К моменту написания статьи их протяженность в стране уменьшилась с 80,8 тыс. км до 7,9 тыс. км, т.е. более чем в 10 раз [Российский железнодорожный портал].

- Avangard. Social and Political Newspaper of the Manturovo Town and Manturovo District city of the Kostroma Region. No 63 (12834). June 2).
- Покровский Н.Е. (2012) Общество отвечает на новые вызовы // Человек и труд. № 12 (*Pokrovskiy N.E. (2012) The Society Responds on the New Challenges // Chelovek I Trud. No 12*).
- Российский железнодорожный портал // www.parovoz.com (The Russian Railway Gantry // www.parovoz.com).
- Солженицын А.И. В круге первом (т.1) // www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/vkp1.txt (*Solzhenitsyn A.I. In the First Circle. Vol. 1 // www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/vkp1.txt*).
- СПК «Прогресс-Вертелишки» // [www.http://vertelishki.com/?35_2](http://vertelishki.com/?35_2) (SPK «Progress-Vertelishki» // [www.http://vertelishki.com/?35_2](http://vertelishki.com/?35_2)).
- Тартаковский Б.Г. (2005) Воспоминания об исчезающем поколении. Предисловие Я.С. Драбкина. М.: АИРО-XX (*Tartakovskiy B.G. (2005) The Reminiscences about the Dissappearing Generation. The Preface by Ya.S. Drabkin. Moscow. AIRO-XX*).
- Усадьба Киреево в Левобережных Химках разрушена // www.ecmoru.livejournal.com/466596.html (The country-seat Kireevo in the town of Chimki has been destroyed // www.ecmoru.livejournal.com/466596.html).
- Филаткина Н. (1999) Леоново // Московский журнал. № 4 (148) (*Filatkina N. (1999) Leonovo // Moskovskiy zhurnal. No 4 (148)*).
- Хронос. Ракитников Н.И. // www.hrono.ru/biograf/bio_r/rakitnikov_ni.php (Khronos. Rakitnikov N.I. // www.hrono.ru/biograf/bio_r/rakitnikov_ni.php).
- Чехов М.П. (1964) Вокруг Чехова. М.: Московский рабочий (*Chekhov M.P. (1964) Around Chekhov. Moscow: Moskovskiy rabochiy*).
- Шаов Т. (2008) Синяя тетрадь. М.: Октопус (*Shaov T. (2008) The Blue Notebook. Moscow. Oktopus*).
- LinuxFest // www.wikipedia.org/wiki/LinuxFest.